

А.В. Подгорская

**РЕЛИГИОЗНО-ДОГМАТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ
РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА И ЕЕ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ
В ГИМНОГРАФИИ И ДУХОВНОМ СТИХЕ**

Рассматривается история возникновения праздника Рождества Христова и анализируется процесс формирования и развития рождественского мотива в православной гимнографии и духовных стихах.

Россия, праздник Рождества Христова, рождественская литургическая поэзия, духовные стихи.

Празднование Рождества Христова было установлено Церковью достаточно поздно – в IV веке, намного позже Воскресения Христа и Его Вознесения. Этому есть свое объяснение. Истинно верующие христиане обыкновенно не празднуют дня своего рождения. «Этим христианин показывает, что не великая была бы радость для мира, да и для него самого, что родился на земле лишний грешник, если б грешник этот в свое время не переродился в праведника, по крайней мере, в возможности, через таинство крещения»¹.

Во многом поэтому древняя Церковь раньше, чем Рождество Спасителя стала праздновать Его Крещение, причем не вполне по своей воле. Ранее православной церкви этот праздник ввели у себя еретики-гностики, поскольку придавали большое значение в жизни Спасителя Его Крещению. Необходимо было противопоставить гностическому празднику свой такой же, и православная церковь установила праздник в честь Крещения Господня и назвала его Богоявлением, внушая этим названием мысль, что в этот день Христос не стал впервые Богом, а только явил Себя Богом, предстал как Бог, как Единый от Троицы. Для того чтобы еще больше отвлечь христиан от еретического учения гностиков, тогдашняя православная церковь стала присоединять к воспоминанию о Крещении воспоминание и Рождества Христова, тем более что к последнему названию «Богоявления» шло более, чем к Крещению. То и другое, Крещение и Рождество, таким образом, праздновались в один день под общим именем «Богоявления», и именно в день, посвященный ранее одному Крещению – 6 января (так, по крайней мере, было в IV, V и даже отчасти в VI веках в Палестине, Египте и других местах Востока).

Впервые праздник Рождества Христова был отделен от Крещения в Римской церкви в первой половине IV века. Языческий римский культ с особой торжественностью чествовал зимний солнцеворот именно в конце декабря, когда он становился для всех ощутимым. Праздник в честь этого солнцеворота

¹ Скабалланович М. Христианские праздники. Киев, 1916. Кн. 1–6. С. 22.

назывался днем рождения «непобедимого солнца», которое не могла одолеть зима и которое с этого времени идет к весне. В одном римском календаре IV века этот языческий праздник показан именно 25 декабря. Чтобы отвлечь от него христиан, его перенесли в Риме с 6 января на день воспоминания Рождества Христова, рождения духовного незаходимого солнца. Январский же праздник отождествили с днем Крещения Господня.

Изложенные выше обстоятельства чрезвычайно важны для верного понимания рождественского цикла сюжетов, как он сформировался в искусстве. В Евангелиях о рождении Христа пишет только апостол Лука: «Когда же они были там, наступило время родить Ей; и родила Сына своего Первенца, и спеленала Его, и положила Его в ясли, потому что не было им места в гостинице» (Лк., 2:6–7). Часто, однако, в живописи и в литературе под названием «Рождество Христово» даются и сцены поклонения пастухов и волхвов, тогда как эти эпизоды относятся к Богоявлению, причем, если картины на сюжет Рождения Христа, как правило, включают и последующие события, образующие в сущности круг эпизодов праздника Богоявления, то сцены последнего праздника – поклонение царей, поклонение волхвов – отнюдь не всегда включают изображение собственно рождения Христа.

Итак, соединение в искусстве сюжетов рождения Христа, следующих за ним сюжетов поклонения пастухов и поклонения волхвов отражает изначальное смешение самой Церковью обстоятельств рождения Христа и Его явления, то есть праздников Рождества и Богоявления.

В результате имеются все основания относить к рождественскому сюжету следующие эпизоды: рождение Христа, поклонение пастухов и волхвов, а также бегство в Египет, которое более всего отдалено по времени от факта рождения Христа, но все же неразрывно с ним связано.

Рождественская поэтическая традиция восходит к церковной гимнографии или литургической поэзии, которая, как определяет современная Литературная энциклопедия символов и понятий, является «религиозным стихотворчеством, изначальным предназначенным для коллективного хорового песнопения, направленного на прославление Бога во время христианского церковного богослужения, литургии»². Язык церковной словесности и словесности внецерковной, безусловно, имеет принципиальные отличия. В.А. Котельников пишет: «Язык церкви – это язык богообщения и христианского самопознания... Это язык Откровения, язык литургии и молитвы, язык Предания и проповеди. Весь строй его теоцентрический в отличие от антропоцентрического языка внецерковного. Стремясь сберечь этот строй, язык Церкви становится языком строгих (часто жестких) форм... В них он удерживает религиозно-онтологические смыслы, растерянные тварным языком»³.

Какие же религиозно-онтологические смыслы необходимы для работы с рождественским сюжетом? Согласно религиозно-догматической концепции Рождества Христова уникальность рождения Иисуса Христа состоит в следующем:

² Литературная энциклопедия символов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. М. : Интелвак, 2001. Стб. 484.

³ Котельников В.А. Язык Церкви и язык литературы // Русская литература. 1995. № 1. С. 6.

– родился «Богочеловек», «неслиянно и нераздельно» совмещающий в себе божественное и человеческое;

– рождение Христа, Его приход в мир есть высшая точка диалога между Богом и людьми, а главное Откровение, принесенное Иисусом, есть любовь Отца, засвидетельствованная людям;

– наилучший способ донести это «Откровение» до людей есть богослужение, через которое совершается единение человека с Богом.

Богослужение в восточно-христианском мире было тем центром, вокруг которого и с ориентацией на который формировалась практически вся духовная культура, включая и все виды искусства. Комплекс искусств, связанных с церковным культом, был ориентирован прежде всего на создание особого реального мира, некоей уникальной духовно-материальной среды, попадая в которую человек должен был получить реальную возможность приобщения к миру высшей духовности. Эта среда понималась как место соприкосновения, взаимного перехода мира видимого и невидимого, как реальное «окно» в «Небесное Царство». Широко раскрывалось это «окно» лишь в процессе богослужения.

Рождественская литургическая поэзия является неотъемлемой частью церковного праздника Рождества Христова, смысл которого состоит в том, что это – день радости и торжества всех христиан. Радости от сознания того, что родился Спаситель и что Бог так «возлюбил Свой мир, что Сына Своего Единородного отдал», дабы спасти человечество (гимн «Свят, Свят»). «Возрадуемся о Господе, возлюбленные, и возвеселимся духовной радостью, ибо воссиял для нас день нового искупления, древнего приготовления, счастья вечного...» (из Слога на Рождество святителя Льва Великого).

Воссоздать атмосферу великого праздника – задача, ежегодно решаемая православной церковью. Считая Рождество Христово второй Пасхой, церковный устав назначает перед ним 46-дневный пост, по продолжительности равный предпасхальному. Однако телесное воздержание, по мнению православной церкви, менее существенная составляющая поста по сравнению с духовным очищением, которое готовит верующего к празднику: «Взирая на смиряющегося Христа, возвысимся от низменных страстей, добрым же старанием не мудрствовать высоко о (себе) поучившись вере, смиримся духом, чтобы превознести Рождаемого делами»⁴.

С этой же целью – подготовки верующего к празднику – в церковные службы во время поста вводятся особенные предпраздничные песнопения – стихиры, причем вводятся они с особой постепенностью, расширяясь в объеме и заполняя все большую часть церковных служб, пока целые службы к концу поста не превратятся в сплошной гимн празднику: «Отринув всю скверну страстей, достойно целомудренным разумом воспримем пришествие Христово, ибо (Он) является, (чтобы) понести нескверно плоть и даровать всем Божественное обновление Духом».

⁴ Цит. по: Тропарь рождественского предпразднства // Большая книга Рождества / сост. Н. Будур и И. Панкеев. М. : Олма-Пресс, 2000. С. 59.

Число подготовительных песен, готовящих верующих к празднику, достигает внушительной цифры – 429, а с ирмосами и тропарями подражательных канонов – 500 с лишним. Уже такое количество предпраздненных песен дает представление о той степени подготовки к празднику православной церковью. В итоге 40-дневный пост, и особенно шесть дней предпразднества, наполняют душу верующего таким ощущением предстоящего ликования, которое по свежести и тонкости своей дает душе нечто такое, что не дает подчас и сам праздник.

Среди песнопений каждой службы наибольшую важность имеют тропарь и кондак, всегда сжато и точно выражающие суть празднования. Тропарь рождественского предпразднества сопоставляет Рождество с вызвавшим его грехопадением Адама и смотрит на Рождество Христово как на возвращение нам рая, которым явилось чрево Девы: «Готовься, Вифлеем! Откройся для всех, Эдем! Красуйся, Евфрафа; ибо древо жизни расцвело от Девы в пещере, Ее чрево явилось мысленным раем с Божественным насаждением, вкушая от которого мы будем жить, а не умрем, как Адам. Христос рождается для восстановления павшего образа»⁵.

Кондак кратко и просто изображает подготовку события, приглашая к радости целую вселенную: «Дева сегодня грядет неизреченно родить в вертепе Предвечное Слово, ликуй, вселенная, услышавши (об этом), прослав с ангелами и пастухами хотящее явиться Дитя – Предвечного Бога»⁶.

Тропарь уже во время самой праздничной службы звучит по-русски следующим образом:

Рождество Твое, Христе Боже наш,
осветило мир светом Разума,
ибо в нем (в этом свете) те,
кто поклонялись звездам (волхвы),
были звездой научены поклоняться Тебе –
Солнцу правды,
и познать Тебя с высоты Востока,
Господи, слава Тебе!⁷

Здесь мы явно видим отголоски истории возникновения праздника Рождества Христова, возникшего в результате переосмысления языческого римского праздника «незаходимого солнца». При этом метафора значительно усилена. Христос не просто сравнивается с незаходимым солнцем. Он назван духовным Солнцем, осветившим мир светом Высшего разума. Он – Солнце правды, истины, которая должна восстановить порядок, основанный на справедливости: «Господи, Боже мой, рождественское пение воспою Тебе, дающему мне возрождение Твоим Божественным рождением и возводящему меня к изначальному благодетелю»⁸.

⁵ Цит. по: Тропарь рождественского предпразднества... С. 62.

⁶ Кондак рождественского предпразднества // Большая книга Рождества. С. 62.

⁷ Цит. по: Мень А. Таинство, слово и образ. Богослужения Восточной Церкви. Л. : Ферро-Логас, 1991. С. 55.

⁸ Там же.

Кондак рождественской службы последовательно излагает события Рождества Христова, объединяя рассказы евангелистов Луки (2:1–12) о Младенце, положенном в ясли, и о пастухах, приведенных ангелом, чтобы поклониться Ему; и Матфея (2:1–12) о волхвах, принесших свои дары:

Дева днесь Пресущественного раждает,
и земля вертеп Неприступному приносит:
Ангели с пастырями славословят,
Волсви же со звездою путешествуют:
Нас бо ради родился Отроча младо,
Превечный Бог.

Пожалуй, нигде с такой силой не выражается чувство умиления и преклонения перед непостижимым объединением небесного с земным, как в этом рождественском кондаке, принадлежащем Роману Сладкопевцу. Здесь каждое слово преисполнено смысла. И один яркий образ следует за другим: Мария «раждает» и остается Девой, дает существование Тому, Кто выше всего существующего в мире. Земля готовит убежище для Того, к Кому нельзя вообще приступить. Далее – во второй части – рисуются одна за другой две картины параллельно развертывавшихся событий на земле и на небе: на небе ангелы славословят вместе с пастухами на земле, а по земле идут волхвы в том же самом направлении, в котором по небу движется звезда. Смысл всего в том, что ради нас и нашего спасения родился Младенец, имеющий лишь несколько часов человеческой жизни, но существовавший раньше того, как вообще начался счет времени.

К суровой простоте и наивной повествовательности евангельского стиля изложения событий литургическая поэзия добавляет интонации умиленности, чувствительности, благочестивого рвения восславить событие рождения Христа: «Христе Боже наш» – притяжательное местоимение «наш» делает образ рождающегося Бога близким и родным каждому верующему человеку; «Нас бо ради родился Отроча младо» – юный отрок, родившийся, чтобы умереть за людей, чтобы быть принесенным в жертву, – образ, способный и растрогать, и вызвать желание воспеть славу Спасителю.

Не менее существенная черта литургической поэзии – догматизм. Рассудочно сформулированные догматы Церкви – ее неотъемлемая часть: «Её (Марии) чрево» – «мысленный рай с Божественным насаждением», или Иисус Христос есть «Предвечное Слово», посланное людям. Он же «Солнце правды», «возводящее человека к изначальному благородству». Наконец, характер создания образа самого Христа строго следует церковному догмату о Его «Богочеловечности»: Он Бог и человек одновременно; и потому, с одной стороны, Он – «Предвечное Слово», с другой – «Отроча младо».

Характеризуя в целом рождественское богослужение, необходимо отметить и то, что праздник Рождества Христова, помимо радостной стороны, имеет и скорбную. Начиная рождественскую всенощную великим повечерием, Церковь, указывает верующим на то, что событие воплощения Слова Божия было вызвано грехом; для Божества оно было своего рода печальной необходимостью, крайним средством спасения человечества. Для Сына Божия оно было пусть временным, но страданием. Он умер «рабской» смертью на

кресте после бичевания, пощечин, плевков. Более того, подобно человеку, Христос был предан жестокому «борению» (Лк., 22, 4) со страхом смерти и тоской одиночества.

Однако, чтобы не омрачить совсем радости начинающегося праздника, великое повечерие, открывающее праздничное бдение, перемежается радостным пением «С нами Бог», а покаянные тропари заменяются праздничными песнопениями:

Христось раждается, славите:
Христось съ небес, срящите (встречайте);
Христос на земли возноситеся!
Пойте Господеви вся земля,
и веселиемъ воспойте людие, яко прославься.

Подводя итог вышеизложенному, можно выделить следующие характерные черты литургической поэзии и собственно рождественской гимнографии:

1) Принципиальная анонимность творчества.

Книжник (как и зодчий, и иконописец) не считал себя автором или творцом создаваемого им произведения, но лишь добровольным исполнителем высшей воли, действующей через него. Художник почитался как искусный переводчик вземного духовного знания на язык форм словесного искусства.

2) Отсутствие изображения вещного мира.

Умение мыслить и говорить о Боге формировалось под воздействием библейских книг, их поэтики, которая исключает «пластичность». Природа или вещи упоминаются лишь по ходу сюжета и никогда не становятся объектами самоцельного описания; действие происходит как бы без декораций; действующие лица предстают не как объекты художественного наблюдения, а как субъекты морального выбора. Назидательность и догматизм, свойственные библейской прозе, становятся неотъемлемой частью и литургической поэзии.

3) Интонации умиления, чувствительности, благочестивого рвения восславить событие Рождества Христова.

4) Повышенная духовность церковной гимнографии.

Под духовностью мы имеем в виду уникальное свойство произведения искусства приводить зрителя в состояние медитации, в результате чего возможно установление «прямого контакта» с высшей духовной реальностью – Богом.

5) Направленность литургической поэзии на выражение высших духовных ценностей привела к повышению уровня абстрагирования ее художественного языка и в конечном счете к высокоразвитому «художественному символизму», конструктивной основой которого являлся канон.

Каноническая схема возбуждала в психике средневекового зрителя устойчивый комплекс традиционной содержательной информации. Однако, как справедливо отмечает В.В. Бычков, «восприятие зрителя не притуплялось одним и тем же клише, но постоянно возбуждалось системой малозаметных отклонений от некоей идеальной (существующей где-то на уровне коллективного бессознательного данной культуры) схемы в строго ограниченных каноном преде-

лах»⁹. Это провоцировало зрителя на углубленное всматривание во вроде бы знакомый образ, на стремление проникнуть в его сущностные архетипические основания, вело к открытию все новых и новых его духовных глубин.

Наряду с литургическим символизмом, в религиозных настроениях и языке Церкви все большее значение приобретал христианский лиризм – обостренно личностное переживание евангельских тем, глубокая сердечная трактовка образов Христа и Богородицы. Очаги такого лиризма возникали во все периоды христианства (начиная с катакомбных гимнов), на всех направлениях его развития. На Руси это был расцвет в духовном стихе. Духовные стихи – это песни религиозного содержания, складывавшиеся, с одной стороны, как ответвление церковных песнопений, а с другой – как постоянно испытывавшие воздействие различных «языческих» песенных жанров русского фольклора. Причем в духовных стихах, больше чем в каком-либо другом жанре русского фольклора, сказалось воздействие книжности на устное творчество. Почти для всех духовных стихов определен если не непосредственный, то во всяком случае родственник книжный источник. Вместе с тем нет ни одного духовного стиха, повторяющего без изменений свой книжный источник, что является свидетельством того, что духовные стихи – несомненный продукт поэтического творчества, не только облеченного заимствованную тему или сюжет в своеобразную стихотворную форму, но и, как правило, существенно преобразившего оригинал. Книжным источником духовных стихов явилось Священное Писание, а также большинство апокрифов, широко распространенных в Древней Руси. Так, кроме канонического Четвероевангелия, были использованы апокрифические Евангелия Петра, Фомы, Никодима и других авторов, ряд Евангелий о детстве Христа. Данные о жизни Богородицы в канонических Евангелиях очень скудны, но существует множество сказаний и легенд о ее жизни. Жизнь Иисуса Христа, с одной стороны, временной центр, завершивший предшествующий период (от Адама), а с другой – начало новой и главной для духовных стихов истории. Появившиеся как основные персонажи в стихах на евангельские сюжеты Христос и Богородица стали сквозными для всего состава духовных стихов (вместе с реже упоминаемыми некоторыми библейскими прародителями, пророками и апостолами), предопределившие программу поведения более поздних персонажей – праведников, оценку поступков грешников.

В старину носителями и, вероятно, слагателями многих духовных стихов были «калики»-паломники, путешественники по Святым местам. Во главе «каличьих дружин» часто стояли представители высших правящих классов как светских, так и церковных. Таковыми были, например, почти все знаменитые русские паломники, оставившие свои рукописные путевые записки («хождения»): игумен Даниил (около 1118), Добрыня Яндрейкович (около 1200) – будущий новгородский архиепископ Антоний, Григорий Калека (1321–1323) – также будущий новгородский архиепископ и др. Эти паломники ходили со сво-

⁹ Бычков В.В. Две тысячи лет христианской культуры : в 2 т. Т. 2 : Славянский мир. Древняя Русь. Россия. М. ; СПб. : Университетская книга, 1999. С. 36.

ей большой дружиной, имели значительные средства для оплаты панихид и молебнов, пользовались за плату услугами «вожа» – проводника.

В историческом развитии духовные стихи связаны главным образом с профессиональными певцами-нищими, большею частью слепцами – «каликами перехожими» (калика – лат. *calicæ* (сапог) – название паломнической обуви).

Большинство духовных стихов известны в записях фольклористов середины XIX–XX веков, сохранились они в старообрядческих рукописных книгах и печатных изданиях. Наиболее крупное собрание духовных стихов под названием «Калики перехожие» составлено и издано П.А. Бессоновым в 1861–1864 годах (6 выпусков). В это собрание вошли материалы всех известных собирателей народной поэзии, работавших во второй трети XIX века: В.И. Даля, П.И. Якушкина, П.И. Рыбникова и других, а также записи самого П.А. Бессонова. Более трети стихов напечатано по рукописным сборникам из различных архивов и частных коллекций. Во всей возможной полноте впервые были представлены варианты, причем не только русского, но и других славянских народов.

В четвертом выпуске собрания П.А. Бессонова можно прочитать духовные стихи, представляющие собой народно-поэтические обработки как канонических сказаний о рождении Богочеловека Иисуса Христа (например, № 234 «Рождество Христово» и № 318 «Избиение младенцев»), так и апокрифических сюжетов на эту тему. Например, стих № 331 «Жена милосердная» рассказывает о «милостивой жене милосердной», которая по просьбе Богородицы

«свово... младенца не пожалела,
Во печь огню-пламени предала,
А взяла Христа Бога на руки...»,
чтобы «жиды окоянны супостаты
«не могли» Христа поймати,
всей разной муки предати!..»¹⁰.

По содержанию этот стих примыкает ко времени «избиения младенцев», хотя в Евангелиях такого эпизода нет. Простота и бесхитрость изложения, свойственные народной поэзии, в полной мере проявляются и в духовных стихах. Евангельская история увидена и представлена с детской непосредственностью. Мир духовных стихов – это в какой-то мере мир чудес: ребенок, брошенный в печь вместо младенца Христа, не горит:

Невредим младенец пребывает.
По различным цветам гуляет.
Евангельскую книгу читает...

Используемые в духовных стихах художественные приемы во многом сближают евангельские (сюжетные) духовные стихи с былинами. Прежде всего, стилем повествования, таким же медлительным и спокойным. Дейст-

¹⁰ Цит. по: Стихи духовные / сост., коммент. Ф.М. Селиванова. М. : Сов. Россия, 1991. С. 67.

вие разворачивается медленно, отдельные детали описываются обстоятельно, при этом отсутствует боязнь утомить слушателя сравнительным однообразием своего стиля:

Пошли волстви Христа попроведать,
Пошли волстви во вертеп, в горы,
Пришли они, Христу поклонилися.

Характерный для былин ритмико-синтаксический параллелизм является излюбленным приемом построения и евангельских духовных стихов, в том числе анализируемых рождественских:

Тогда всем во небе звезда явилася,
А свет на земле объявился;
Земля и небо возвеселилося,
Весь мир на земле возрадовался.

Начальные строчки рождественских духовных стихов «Во славном во граде Вифлееме...» («Жена милосердня») и «Во городе во Вифлееме...» («Рождество Христово») являются по сути модификацией традиционного былинного зачина: «Во стольном-то граде во Киеве (Владимире, Муроме и др.)

В Рождественских духовных стихах используются устойчивые словосочетания и так называемые постоянные эпитеты, характерные для былин:

...Побил он младенцев сущиих
Три тьмы и две тысячи...

В духовном стихе «Жена милосердная» события изложены в диалогической форме. Диалог здесь так же, как и в былинах, выполняет существенную динамическую функцию – он в значительной мере двигает действие:

Скажи нам, Жена милосердня,
Давно ли видала тут девицу,
На руках несущу младенца...

Диалог вообще – Христа и Богородицы, Христа и грешников – является основным элементом в структуре духовного стиха.

Духовные стихи, будучи ответвлением церковной гимнографии, испытывали влияние различных песенных жанров русского фольклора не только в рамках поэтики, но и на уровне содержания. Так, если в литургической поэзии главное – это выражение высших духовных ценностей и автор лишь переводчик внеземного духовного знания, а Рождество, прежде всего, событие воплощения Слова Божия, то в духовном стихе важнее обостренно личностное переживание события рождения Спасителя, глубоко сердечная трактовка образов Христа и Богородицы.

Основная установка рождественской литургической поэзии заключается в том, чтобы восславить событие пришествия в мир Христа как символа любви Бога к созданному Им миру, причем восславить «достойно целомудренным разумом», «отринув скверну страстей...» (стихиры предпразднства).

Установка же духовных стихов состоит в том, чтобы вызвать умиление страданиями Христа и Богородицы. Образ Христа в них поэтически очеловечен. Иисус Христос – не абстрактное воплощенное «Слово Божье», не «Солнце правды», как в гимнографии. Он – живой и разговаривает поэтическим языком народа.

В сравнении с литургической поэзией, которая подчинена прежде всего канону, духовные стихи перелагают евангельские тексты на песенный язык очень свободно. Вот, например, Спаситель среди нищих и убогих, накануне Вознесения:

Расплакалась нищая братья:
«Гой еси, Христос, Царь Небесный!
На кого-то Ты нас оставляешь?
На кого-то Ты нас покидаешь?
Кто нас поить-кормить станет,
Одевати станет, обувати...¹¹

Итак, литургический символизм, опирающийся на канон, с одной стороны, и христианский лиризм, выдвигающий на первый план личное, эмоциональное восприятие события Рождества Христова, – с другой, – это два магистральных направления, в рамках которых и будет формироваться русская рождественская поэтическая традиция.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Большая книга Рождества [Текст] : монограф. / сост. Н. Будур и И. Панкеев. – М. : Олма-Пресс, 2000. – 863 с.
2. Бычков, В.В. Две тысячи лет христианской культуры [Текст] : моногр. : в 2 т. – М. ; СПб. : Университетская книга, 1999. – 527 с.
3. Котельников, В.А. Язык Церкви и язык литературы [Текст] // Русская литература. – 1995. – № 1. – С. 6–22.
4. Мень, А. Таинство, слово и образ. Богослужения Восточной Церкви [Текст] : моногр. – Л. : Ферро-Логас, 1991. – 208 с.
5. Скабалланович, М. Христианские праздники [Текст] : моногр. – Киев, 1916. – Кн. 1–6.
6. Стихи духовные [Текст] : моногр. / сост., коммент. Ф.М. Селиванова. – М. : Сов. Россия, 1991. – 336 с.
7. Романов, Б. «О кресте Твоем высоком...». Христос в русской поэзии [Текст] // Лепта. – 1996. – № 32. – С. 160–170.

¹¹ Цит. по: Романов Б. «О кресте Твоем высоком... » Христос в русской поэзии // Лепта. 1996. № 32. С. 160.